

Филологические науки

УДК 811.161.1

EDN JGHDCZ

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2025-215-169-179>

НАУЧНАЯ ШКОЛА Е. Г. КОВАЛЕВСКОЙ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

Е. В. Сергеева, М. Б. Елисеева

Аннотация. Статья посвящена юбилею выдающегося лингвиста профессора Е. Г. Ковалевской. Представлены основные сведения о жизни и творческом пути Е. Г. Ковалевской. Рассматривается роль ученого в формировании научного направления, связанного с лингвоэстетическим анализом текста.

Отмечается, что Е. Г. Ковалевская сформулировала положение об обусловленности отбора и особенностей функционирования языковых единиц в художественном тексте мировосприятием автора, систематизировала лексику русского национального языка, исходя из ее функций в художественном тексте, описала различные типы окказионализмов в художественном тексте.

Затрагивается вопрос о традициях научной школы Е. Г. Ковалевской. Выделяются направления современного анализа художественного текста, базирующиеся на трудах Е. Г. Ковалевской.

Ключевые слова: история русского литературного языка, художественный текст, лингвоэстетический анализ, неузальная образность, трансформация семантической структуры слова, окказионализмы

SCHOOL OF THOUGHT AND THE CURRENT STATE OF LINGUO-AESTHETIC TEXT ANALYSIS: AN ARTICLE TO MARK THE CENTENARY OF E. G. KOVALEVSKAYA'S BIRTH

E. V. Sergeeva, M. B. Eliseeva

Abstract. The article marks the centenary of the birth of the distinguished linguist and professor E. G. Kovalevskaya. It outlines key milestones of her life and scholarly path, emphasizing her contributions to the emergence of linguo-aesthetic text analysis as a scientific discipline.

Kovalevskaya formulated the idea that an author's worldview determines the selection and functioning of linguistic units in a literary text. She systematized the lexicon of the Russian national language based on its functions in literary discourse and described various types of occasionalisms in a literary text.

The article examines the legacy of Kovalevskaya's school of thought, tracing its influence on contemporary literary text analysis and highlighting modern approaches that build upon her research.

Keywords: history of Russian literary language, literary text, language of fiction, linguo-aesthetic analysis, non-usual (non-conventional) imagery, transformation of semantic structure of words, occasionalisms

Введение

Для современной лингвистики, несмотря на появление большого количества новых направлений, по-прежнему важны проблемы, связанные с особенностями текста как самодостаточного языкового феномена и с вопросами специфики эстетического в языке. Раздел лингвистической науки, связанный с рассмотрением художественного текста, уже почти столетие находится в фокусе внимания (Р. О. Якобсон, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, К. Э. Штайн, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова и др.).

Одним из филологов, заложивших основы современного лингвоэстетического анализа художественного текста, была Е. Г. Ковалевская. Она принадлежала к тем ученым, чьи имена уже стали почти легендой. Евгения Григорьевна была непосредственной продолжательницей дела В. В. Виноградова, Г. О. Винокура и Б. А. Ларина и одним из последних представителей того поколения исследователей, чьи труды стали классикой лингвистики.

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения Евгении Григорьевны, и на филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена, где она проработала почти 40 лет, прошла посвященная этому событию конференция, на которой вспоминали Е. Г. Ковалевскую и обсуждали ее роль в развитии стилистики художественной речи.

Линия жизни

Евгения Григорьевна Ковалевская (в девичестве Егорова) родилась 19 декабря 1924 года в семье петроградского рабочего Григория Ивановича. Мать, Анна Ивановна, с 1912 по 1917 год работала в дворянской семье. В воспоминаниях Евгении Григорьевны читаем: «В 1922 году после “уплотнения” вместо того, чтобы продать вещи, все, что не поместилось в три комнаты, отдали маме: прекрасную мебель, ковры, картины, фарфор, игрушки и книги бывших маминых воспитанников». Поэтому детское чтение Жени Егоровой было не только советским,

но и «дворянским»: «Маленький лорд Фаунтлерой», «Леди Джен, или Голубая цапля», «Маленькие женщины», романы Чарской. Это повлияло на личность и отчасти даже на исследовательские принципы будущего лингвиста при выборе тем и текстов для исследования.

После революции семья жила на Выборгской стороне (Евгения Григорьевна позже называла себя «девочка с Выборгской стороны»). Вот как она вспоминает о детстве: «16 лет почти райской жизни: отец, будто сошедший со страниц романов Диккенса со своей любовью ко мне; школа, где меня любили и учителя, и ученики; концерты, спектакли, премии, конкурсы, театр Радлова; наша компания — мои рыцари: семь мальчиков и я (трое погибли на фронте, один пропал без вести, двое попали в плен, а потом «отрабатывали свой грех» в наших лагерях, — и только Костя Ковалевский вернулся в 1946 году живым, хотя с контузией и двумя ранениями)».

Сохранилось интервью Е. Г. Ковалевской — ответы на вопросы о школьном обучении (записано М. Б. Елисеевой): «В Ленинграде были великолепные учителя по точным наукам — бестужевки и набитая дура Зинаида Ильинична по литературе. У З. И. на уроках дети говорили: пусть Женя почитает. Если она была в хорошем настроении, я читала. Если в плохом — она несла окошечку. Все учителя, кроме З. И., ходили в платьях до пят. У Анны Сергеевны (естествознание) был длинный синий халат и золотые часики на цепочке. В географа я была без памяти влюблена. Из дворян, кончал петербургский университет. “Никому не рассказывайте, Женя, что любите декабристов”. Все погибли во время войны, кроме З. И. и еще одной учительницы».

Особую роль в жизни Евгении Григорьевны сыграли театральные режиссер Сергей Эрнестович Радлов и его жена Анна Радлова (Дармолатова), поэтесса и переводчица Серебряного века — об этом Е. Г. Ковалевская подробно рассказывает в статье «Семья Радловых» (Ковалевская 2012). В конце

1936 года при заводе «Русский дизель» был создан Народный театр, режиссером которого назначили артиста радиокомитета В. И. Гремина. Женя Егорова играла в этом театре — первые роли были в пьесах «Слава» В. Гусева и «Платон Кречет» Корнейчука. «В 1938 году Народный театр, где моя сестра была премьершей, а я играла девочек, на всероссийском конкурсе занял первое место. В жюри был С. Э. Радлов. “Мы” ему понравились, и с 1939 по 1941 год “Театр Радлова” — шеф этого театрального коллектива... Шефами радловцы были идеальными. Являлись на генеральные репетиции, серьезно обсуждали спектакли... Приглашали на знаменитые вечера, где танцевали Г. С. Уланова и К. М. Сергеев, пели Н. К. Печковский, С. И. Мигай, Г. М. Нелепп» (Ковалевская 2012, 655). Перед войной Женя Егорова играла уже не только роли советских девочек, но и Татьяну из «Евгения Онегина», Нину из «Маскарада», Луизу из «Коварства и любви». Как мы видим, репертуар изменился.

В августе 1941 года семья (мама, Женя и старшая сестра Зоя с двумя детьми) эвакуировалась. Отец остался в Ленинграде и умер от голода в январе 1942 года. В эвакуацию Женя Егорова ехала со сломанной ногой на верхних нарах — потом долго ходила на костылях, а после всю жизнь с тростью.

Вот что пишет Евгения Григорьевна, вспоминая это время: «Сестра ехала в Лысковский район председателем колхоза, поэтому нам в обкоме дали двух охранников. От Лыскова сутки почти ехали на двух телегах по лесам и долам. Деревня. 300 километров от Горького. Колхозники не работают — ждут немцев. Изба под соломенной крышей. Одна огромная комната, русская печь, сени, двор. Нас восемь человек: пять взрослых, трое детей. И... На триста верст ни одной книги. Я бы повесилась, если бы не стал привозить мне книги пачками секретарь лысковского обкома, ухаживающий за сестрой, — как и все мужчины, кто ее видел».

О школе в Лысково рассказано в интервью: «В эвакуации учителя были в основном эвакуированные инвалиды. Историк — до-

цент Московского университета, потерявший на фронте руку. Физик — из Киева, на костылях.

С литературой познакомилась в Лысковской школе. Федор Иванович — старый провинциальный гимназический учитель. Наизусть знал Чехова. Научил любить Маяковского.

Я не хотела отвечать Маяковского.

— Вы с ума сошли!

— Когда он встретил Блока и тот рассказал, что у него сожгли библиотеку, Маяковский ответил: “Очень хорошо”...

— Вы не того Маяковского знаете.

Велел выучить “Товарищу Нетте”. Я выучила, сказала: плохо. Дал стихотворение: “Поезд — и тот стремится к вокзалу.

Корабли — и те стремятся к пристани...”

Это понравилось».

Женя закончила школу в Лысково с «золотым аттестатом», поступила в Педагогический институт в Горьком: «Я о нем и не думала никогда, но Театральный институт был в Саратове, а без пропуска нельзя было туда попасть».

Приведем еще один фрагмент воспоминаний: «Снимала сундук за один пуд муки в месяц (безбожная цена!) у мерзкого политкаторжанина, лежащего в параличе в одной комнате, а я, его затравленные жена, дочь и внучка — в другой. Мама продала два папиных пальто, которые он велел нам взять с собой, — хватило муки на пять месяцев. Все казалось ерундой: холод, голод, сундук. Я просто набросилась на занятия: вечером — лекции, днем — библиотека, в воскресенье у подружки по десятому классу или в театре. В Горьком был прекрасный драматический театр и кошмарный оперный».

Женя подружилась с группой студентов — Борис Мельник, Самуил Хаев, Инна Рудницкая, — которые читали стихи, обсуждали книги, читали пьесы по ролям. Когда хозяин угла, который она снимала, выгнал ее, переехала жить к друзьям: «1 марта я переехала в квартиру ребят. Дело в том, что политкаторжанин выгнал меня, ибо платить

за сундук уже было нечем, да еще задержал зимнее пальто за мартовский долг. Но ребята сказали: “Наша соседка, Лиза Тетельбаум, пустит тебя жить бесплатно. Муж на фронте, сын в интернате, она круглосуточно на работе. В твоём распоряжении комната и диван. А в воскресенье будешь у нас”. Вот тогда я усвоила первый нравственный закон: на всю жизнь поняла, что такое “хваленая русская доброта” и “пресловутая еврейская жадность”. С тех пор ненавижу антисемитов».

После снятия блокады в 1944 году Женя Егорова вернулась в Ленинград и перевелась на 2-й курс Ленинградского университета. Жизнь, как вспоминает Евгения Григорьевна, была несладкой: «После смерти отца приехали какие-то люди на двух грузовиках и вывезли все, вплоть до дверных ручек и цоколей. И я поняла, что такое “дворянская интеллигенция”, уничтоженная в СССР, и “победивший пролетариат”. Мы долго спали на полу. Больше в моей жизни никогда не было ни красивой мебели, ни ковров, ни картин, ни фарфора. Любимых с детства книг больше не было».

13 июня 1945 году умер друг юности Борис Мельник. Ему посвящены стихи, написанные в 1944 году:

А вон моя душа
По лесенке витой,
По веточкам ольхи
Карабкается к Богу.

По склонам лесным, зеленым
Скользят, обдирая крылья,
И падают, будто листья,
Все птицы, мельком, как звезды.

В середине леса, в середине мая
На краю сиреневой канавы
Я стою. В лицо мне дует ветер.
Нет ни друга у меня, ни брата.

Знаки препинания

Трава — зимой, снег — летом, солнце — ночью,
Цветы — в пургу, а мох — в начале мая.
Так мы живем, себя не понимая,
Так ставят запятые вместо точек.

Трава зимой? Снег летом? Солнце ночью?
Суть не в словах, а в знаках препинанья.
Не что. А как... И вдруг воспоминанья
В конце строки поставят многоточье.
Как страшен лес, посаженный рядами!
Здесь птицы не поют, не строят гнезда...
И только призраки висят над нами —
Холодные зимой и летом звезды...

30 апреля 1948 года вышла замуж за одноклассника Константина Феликсовича Ковалевского (умер в 1987 году).

В университете были великолепные учителя, но самым любимым был Павел Наумович Берков — доктор филологических наук, источниковед, специалист по истории русской литературы XVIII века. Именно он, по-видимому, пробудил интерес и любовь Евгении Григорьевны к этому периоду литературы и языка: под его руководством был написан диплом о «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина, а позже (в 1955 году) кандидатская диссертация — «Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII — начале XIX веков: (Вопросы лексики)». История русского литературного языка, неразрывно связанная с языком большой литературы, воплощалась и в более поздних статьях — таких, как «Приемы создания образа эпохи Иван Грозного в “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина», «Средства и приемы цветописи в произведениях Н. М. Карамзина», «Анализ текста повести Н. М. Карамзина “Бедная Лиза”». Любовь к этому автору она сохранила на всю жизнь, хотя тема докторской диссертации (защищенной в 1971 году) была гораздо шире — «Лингвистическое исследование текстов русских драматических произведений конца XVII — первой четверти XIX веков».

Вернемся к линии жизни Евгении Григорьевны. С 1 декабря 1948 года началось обучение в аспирантуре Ленинградского университета. В декабре 1951 года (до 1 сентября 1952 года) после аспирантуры по распределению переехала в Тарту и работала старшим преподавателем кафедры русского языка Тартуского государственного университета. Именно там Евгения Григорьевна

подружилась с Юрием Михайловичем Лотманом и Зарой Гиршевной Минц, с заведующим кафедрой русской литературы Б. В. Правдиным — другом Игоря Северянина.

В 1952–1956 Е. Г. Ковалевская — младший научный сотрудник словарного отдела русского языка Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук: принимает участие в составлении первого издания четырехтомного «Словаря русского языка» под редакцией Анастасии Петровны Евгеньевой, который мы привычно называем МАС и используем для работы, наверное, чаще всего.

В 1956–1994 годы Евгения Григорьевна — ассистент, доцент, профессор кафедры русского языка ЛГПИ (с 1991 года — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена). Неизменная любовь и удивление сопровождали отношения студентов с Евгенией Григорьевной. Никто из преподавателей кафедры русского языка, кроме нее, не читал на лекциях стихи наизусть. Особенная интеллигентность, спокойствие, уравновешенность (при невероятной эмоциональности, которая доставалась уже только тем, кто сходилась с ней близко), отличала Евгению Григорьевну. Многие дипломники в дальнейшем, не желая расставаться с любимым руководителем, писали кандидатские диссертации под руководством Евгении Григорьевны. Возможность поступления в аспирантуру и даже оформления соискательства для ленинградцев в 80-е годы была чрезвычайно ограничена, но Евгения Григорьевна проявляла настойчивость, когда видела в человеке способности и любовь к языку и литературе. Кроме того, под руководством Евгении Григорьевны были защищены многочисленные диссертации аспирантов, приезжавших в Петербург с разных концов Советского Союза и России: Е. А. Жигаревой, Л. В. Балахонской, В. Л. Гавриловой, Л. Г. Кашириной, Л. Г. Фридгендлер, В. И. Калашникова и др.

Всю жизнь особое место в жизни Евгении Григорьевны занимали друзья. Наверно,

можно назвать дружбой отношения с двумя племянниками, Сережей и Мариной Бернадскими, детьми сестры, которые жили в семье Евгении Григорьевны и Константина Феликсовича и воспитывались как собственные дети. Знакомство с близкими по духу людьми могло произойти на работе, но дружба сохранялась позже в течение всей жизни. Так, Евгения Григорьевна дружила с сотрудниками Института языкознания (Лидией Леонтьевной Кутиной, Юрием Петровичем Сорокиным, Лидией Адольфовной Войновой); с коллегами из РГПУ им. А. И. Герцена (Александром Владимировичем Бондарко, Стеллой Наумовной Цейтлин). Долгие годы тесная дружба связывала Евгению Григорьевну с директором Пулковской обсерватории Кириллом Николаевичем Тавастшерна (с 1948 года до его трагической гибели в 1982 году).

Евгения Григорьевна и Константин Феликсович были удивительной парой. Вот что вспоминает о них С. Н. Цейтлин: «Евгения Григорьевна Ковалевская — человек, сыгравший большую роль в моей жизни. Вспоминаю ее с теплотой и любовью, и это связано не только с тем, что она благословила меня на поступление в аспирантуру, но и с дружбой. Мне вспоминаются удивительные литературные вечера у нее дома — дни рождения превращались в театральное действие. Евгения Григорьевна в бархатном черном платье рассказывает о любимом поэте, а Константин Феликсович — ее супруг — помогает с техническим сопровождением и музыкой». Доклады в день рождения были посвящены судьбе Радловых, Булату Окуджаве, Анне Ахматовой, Владимиру Высоцкому...

Е. Г. Ковалевская-ученый

Но, конечно, неотъемлемую и главную часть жизни Е. Г. Ковалевской всегда составляла ее работа — научная и методическая.

Учебник Е. Г. Ковалевской по истории русского литературного языка несколько десятилетий, несмотря на развитие науки

и изменения в учебной программе, остается одним из лучших и до сих пор используется в учебном процессе. Концепцию истории русского литературного языка Е. Г. Ковалевской скрупулезно анализирует К. Э. Штайн. Она отмечает: «Знаменитый учебник Евгении Григорьевны “История русского литературного языка” — живой, в нем много тонких наблюдений именно благодаря тому, что каждый период был досконально проанализирован в системе текстов различного типа, художественных произведений XI–XX веков» (Штайн 2012, 673).

Деятельность профессора Е. Г. Ковалевской была разносторонней.

К. Э. Штайн вспоминает: «У нее были великолепно организованные научные семинары, в которых работали студенты, аспиранты; ежегодно весной в течение нескольких десятилетий (1960–1990-е годы) проводился большой научный семинар, на который съезжались ученые всей страны, занимавшиеся проблемами исследования художественной речи. Она создала многие авторские курсы по изучению языка художественной литературы, истории русского литературного языка, которые читала студентам, слушателям факультета повышения квалификации» (Штайн 2012, 669–670).

Нельзя забывать и работы Е. Г. Ковалевской, созданные для старшеклассников, — «История слов. Книга для учащихся» (Ковалевская 1968), «Общее и национальное в лексике языков народов СССР (в соавторстве с Е. А. Зачевским (Зачевский, Ковалевская 1983)), — а также ее замечательную лекцию «Анализ текстов художественных произведений», которая написана так, что интересна и студентам, а может быть, и не только студентам. Неоднократно переиздавался и ежегодно переиздается справочник по орфографии и пунктуации (в соавторстве с М. Б. Елисеевой и Б. М. Шульман) (Елисеева 2020).

Но, главное, после Е. Г. Ковалевской остались ее статьи, которые ярко демонстрируют нам масштаб личности этого лингвиста. Ее труды на протяжении почти полувека (с 1954 до 1999 года) были так или иначе связаны

с проблемами специфики языка художественной литературы и формирования эстетического значения.

Взгляды Е. Г. Ковалевской на теорию художественной речи

Базовым положением теории художественной речи, с точки зрения Е. Г. Ковалевской, должно быть кажущееся сейчас само собой разумеющимся утверждение о том, что в художественном тексте слово может как сохранять свое языковое значение, так и трансформироваться, приобретая в контексте семы, которые в языке не имеет и не может иметь. Поражает анализ существительного *фальбала* в тексте повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди», демонстрирующий, как безобразная лексическая единица (*оборка!*) превращается не просто в экспрессивную, а в имеющую символическое значение.

Гибкость и диалектичность этой теории, требующей анализа трансформации семной структуры художественного слова с точки зрения выполняемой им эстетической функции, позволяет использовать ее и в современных исследованиях, связанных с рассмотрением особенностей воплощения языковых единиц в художественном тексте.

Еще в статье 60-х годов «К вопросу о понятии “язык художественной литературы”» Е. Г. Ковалевская фактически впервые перечислила различные подходы к языку художественной литературы:

1. «Язык художественной литературы — язык художественных произведений, содержащих в своем составе все языковые единицы, входящие в систему данного языка, современного авторов произведений той или иной эпохи».

2. «Язык художественной литературы — поэтическая речь (художественная речь), образная речь».

3. «Язык художественной литературы — художественно-беллетристический стиль» (Ковалевская 2012, 508–509).

В той же статье утверждалось, что следует выделять не два типа (образные — безобразные), но три типа единиц: а) безоб-

разные языковые единицы; б) традиционно образные языковые единицы; в) безобразные языковые единицы, становящиеся образными в текстах художественного произведения (Ковалевская 2012). В более поздней статье, «Слово в тексте художественного произведения», слово в художественном тексте также рассматривается как обычный знак, как осложненный знак и как особый знак в художественной речи (Ковалевская 2012). Как развитие этого положения можно воспринимать утверждение, относящееся к более позднему времени, о том, что существует и четвертый тип лексических единиц в художественном тексте — экспрессивные, образные языковые единицы, подвергшиеся семантической трансформации в идиостиле или в конкретном произведении писателя.

В современных исследованиях художественного текста, даже связанных с новыми направлениями лингвистики, подобный взгляд на слово остается плодотворным. Так, при рассмотрении художественного концепта ПРОШЕДШЕЕ в рассказе И. Бунина «Далекое» для определения содержания концепта важно выделять следующие лексические единицы:

а) безобразные (*«Шли апрельские и майские дни, неслись, звенели конки, непрерывно спешили люди, трещали извозчики пролетки, нежно и грустно... кричали разносчики с лотками на головах... стояли кадки с лаврами у подъезда “Праги”, где хорошие господа уже кушали молодой картофель в сметане»* (Бунин 2024);

б) простейшие образные, эстетически осложненные в данном тексте — эпитеты, метафоры, в том числе синэстетические (*«...сладко и тепло пахло из кондитерской Скачкова; и вот уже сияло золотисто-светлое предзакатное небо на западе и музыкально разливался над счастливой, людной улицей басистый звон с шатровой колокольни; к вечеру в далеком пролете улицы сияло золотисто-светлое небо заката, музыкально разливался над всеми шумами и звуками басистый звон с шатровой, древней колокольни»* (Бунин 2024);

в) повторяющееся слово с эстетическим значением в языке (*«Ах, весна, весна! Все дело было, верно, в том, что происходил весь этот вздор весною. Каждая весна есть как бы конец чего-то изжитого и начало чего-то нового. Той далекой московской весной этот обман был особенно сладок и силен — для меня по моей молодости и потому, что кончались мои студенческие годы, а для многих прочих просто по причине весны, на редкость чудесной. Каждая весна праздник, а та весна была особенно празднична»* (Бунин 2024);

г) слово с переосмысленным языковым эстетическим значением (*«Ну вот и возмечтал бедный Иван Иванович зажить и себе по-новому, по-весеннему, с некоторыми замашками и даже развлечениями; навсегда сохранятся и они в том сладком и горьком сне прошлого, которым до могилы будет жить моя душа»* (Бунин 2024).

Уточнена и дополнена эта теория была в статье «Эстетические возможности слов с коннотативным значением». Речь в ней идет о том, что в тексте художественного произведения любая языковая единица может выполнять эстетическую функцию, но не все единицы обладают одинаковыми возможностями для выполнения этой функции, а максимальными эстетическими возможностями обладают слова с предметным значением, осложненным коннотацией, а также обозначающие предметы действительности, эстетически воспринимаемые носителями языка: роза, золотой, звезда, лазурный (Ковалевская 2012).

Е. Г. Ковалевская одна из первых попыталась систематизировать ВСЮ лексику, исходя из ее функций в художественном тексте, что также соотносимо с лингвоэстетическим анализом XXI века. Невозможное в 60–80-е годы исследование экспрессивности библизмов отчасти базируется на теории Е. Г. Ковалевской о природе эстетического, поскольку, например, имена собственные из библийского текста изначально обладают не только сакральным, но и эстетическим значением как единицы, неразрывно связанные с литературой, живописью, скульптурой, музыкой.

В поэтических и прозаических текстах, полностью или частично воспроизводящих известные сюжеты с заданными персонажами и реалиями, употребляется большое количество имен-библеизмов, без которых «поэтический пересказ» невозможен: Рахиль, Иаков, Мелхола, Давид, Исаак, Авраам, Ревекка, Израиль и многие др.

Современный анализ художественного текста во многом базируется на статье Е. Г. Ковалевской 70-х годов «Семантическая структура слова и стилистические функции слов» (Ковалевская 2012), где она пишет о том, что слова с эмоционально-экспрессивным значением являются стилиобразующими. Именно на этом положении основывается в современном анализе художественного текста понимание экспрессемы, обеспечивающей восприятие выразительно-образительных качеств языкового материала как основной единицы художественного текста в современном лингвоэстетическом анализе текста.

Именно тропы-экспрессемы, как узуальные, так и индивидуально-авторские, обеспечивают специфическое представление, а следовательно, и восприятие адресатом художественной картины мира в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: «...лохматым и серым был небосвод»; «Золотом пылают хвоя»; «В последний день лета облака белы и летучи, как яблоневого цвет, а Ангара — темна глубокой, отдающей в черное синевой...»; «С вершины холма раскинувшаяся внизу равнина кажется гигантской белой скатертью, по которой рука Всевышнего разметала бисер деревьев и ленты дорог»; «рыжие свечи сосен и черные щетки елей»; «Метель белых пузырей вьется» (Яхина 2019).

И, наконец, в статье уже 80-х годов «Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе» Е. Г. Ковалевская еще до того, как вошли в употребление термины «языковая картина мира» и «художественная картина мира» формулирует положение об обусловленности отбора и особенностей функционирования языковых единиц

в художественном тексте мировосприятием автора (Ковалевская 2012).

Положения, сформулированные Е. Г. Ковалевской в этой статье, актуальны и для другой относительно молодой науки — онтолингвистики, изучающей усвоение языка ребенком. Автор различает «понятия “узуальное” (принятое в данном коллективе говорящих “употребление языковых единиц”) и “окказиональное” (употребление языковых единиц, не соответствующее общепринятому, обусловленное индивидуальным вкусом говорящего, особой целенаправленностью пишущего)... Создание языковых единиц (и неологизмов, и окказионализмов) говорящим или пишущим (в том числе и создание авторских новообразований) происходит в соответствии с возможностями системы, по аналогии с уже существующими языковыми единицами... Авторские новообразования, даже созданные по окказиональным моделям, в различной степени, но заданы системой» (Ковалевская 2012, 483). Это тезисы, под которыми подпишется любой онтолингвист: как и поэт, ребенок — «конструктор собственной языковой системы» (Цейтлин 2024, 5).

Значима для онтолингвистики и мысль Евгении Григорьевны о разных типах контекста при использовании узуальных и окказиональных слов: «воспроизводящем» и «создающем» (Ковалевская 2012, 484).

Именно работы Е. Г. Ковалевской ориентируют современных исследователей на рассмотрение художественного текста как эстетического феномена, обладающего определенными категориями, в качестве материала для создания которого используется содержание языковой единицы, а следовательно, феномена, обладающего особой, специфической системой категорий, ориентированных на эстетическое восприятие, и прежде всего категорий лингвоцентричности и неузуальной образности.

Индивидуальная, неузуальная образность в художественном тексте соотносится с его ориентированностью на эстетическую, и прежде всего образную, интерпретацию реальности, подразумевающую создание оригина-

нальных тропов и развернутых окказиональных образных конструкций. В качестве показательного примера можно привести индивидуально-авторское уподобление звона колоколов лаю собак, которое создается М. Булгаковым на сверхсловном уровне в романе «Белая гвардия»: *«Маленькие колокола тявкали, заливаясь, без ладу и складу, вперербой, точно сатана влез на колокольню, сам дьявол в рясе и, забавляясь, поднимал гвалт. В черные прорези многоэтажной колокольни, встречавшей некогда тревожным звоном косых татар, видно было, как метались и кричали маленькие колокола, словно яростные собаки на цепи»* (Булгаков 2024).

Категория неузуальной образности воплощается прежде всего в авторских приращениях (трансформациях) значения. В тексте романа Д. Рубиной «Русская канарейка» имеется более ста образных номинаций, относящихся к пению (человека или канарейки), при этом не менее половины — собственно авторские: *«...выплеснув на клавиатуру пену очередного кружевного пассажи»; «выпустив из рук угасающий аккорд»; «колосящийся золотой тенор»; «удалялись и приближались опять, будто старинная почтовая тройка кружила в поисках тракта»* и др.).

Художественная информация воплощается с помощью эстетической актуализации языковых, прежде всего лексических, единиц: понятие «приращения смысла», т. е. трансформации семантической структуры слова, о котором писали Б. А. Ларин и Е. Г. Ковалевская как об одной из важнейших особенностей художественного текста, связано именно с лингвоцентричностью. Это категория художественного текста, связанная с его главной особенностью:

отбор и эстетическая трансформация языковых (лексических и грамматических) единиц обеспечивает воплощение авторской художественной картины мира, ориентированной на изображение виртуальной, вымышленной реальности. То, что может быть названо собственно «художественной информацией», воплощается с помощью эстетической актуализации языковых единиц.

В центре внимания автора художественного текста — отбор и трансформация значения языковых единиц и конструкций, что превращает информацию об окружающем мире в информацию о виртуальном художественном пространстве, основывающуюся на образах индивидуально-авторских и сугубо авторском видении объектов действительности. Поэтому вторая основополагающая категория художественного текста — категория неузуальной образности, что также соотносит современный взгляд на художественный текст с исследованиями Е. Г. Ковалевской.

Евгения Григорьевна умерла 1 июля 2011 года. После смерти ее ученики и друзья собрали и издали книгу «Избранное». Душой этой книги была К. Э. Штайн, защищавшая докторскую диссертацию в нашем университете (научным консультантом была Е. Г. Ковалевская). Хочется закончить статью ее словами: *«Сейчас говорят (и справедливо) о том, что есть люди, которых можно причислить к национальному достоянию России. Думается, что Евгения Григорьевна относится к их числу, и, в первую очередь, потому, что она была гармоничным человеком, подлинным русским интеллигентом, ярким ученым, замечательным педагогом высшей школы»* (Штайн 2012: 669).

ИСТОЧНИКИ

- Бунин, И. А. (2024) *Далекое*. [Электронный ресурс]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=71109&pg=1> (дата обращения 20.12.2024).
- Булгаков, М. А. (2024) *Белая гвардия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=8786&pg=1> (дата обращения 20.12.2024).
- Рубина, Д. И. (2022) *Русская канарейка. Блудный сын*. М.: Эксмо, 480 с.
- Яхина, Г. Ш. (2019) *Зулейха открывает глаза*. М.: АСТ, 510 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елисеева, М. Б., Шульман, Б. М., Ковалевская, Е. Г. (2020) *Справочник по орфографии и пунктуации: практическое пособие*. 5-е изд. М.: Юрайт, 325 с.
- Зачевский, Е. А., Ковалевская, Е. Г. (1983) *Общее и национальное в лексике языков народов СССР*. М.: Просвещение, 111 с.
- Ковалевская, Е. Г. (1976) *Анализ текстов художественных произведений*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, 53 с.
- Ковалевская, Е. Г. (1968) *История слов*. М.; Л.: Просвещение, 144 с.
- Ковалевская, Е. Г. (1978) *История русского литературного языка*. М.: Просвещение, 384 с.
- Ковалевская, Е. Г. (1992) *История русского литературного языка*. 2-е изд. М.: Просвещение, 303 с.
- Ковалевская, Е. Г. (2012) *Избранное. 1963–1999*. СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 687 с.
- Цейтлин, С. Н. (2024) *Онтолингвистические этюды*. 2-е изд. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 272 с.
- Штайн, К. Э. (2012) О Евгении Григорьевне Ковалевской и ее концепции истории русского литературного языка. В кн.: Е. Г. Ковалевская. *Избранное. 1963–1999*. СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставропольский государственный университет, с. 669–685.

SOURCES

- Bunin, I. A. (2024) *Dalekoe [Far away]*. [Online]. Available at: <https://readli.net/chitat-online/?b=71109&pg=1> (accessed 20.12.2024). (In Russian)
- Bulgakov, M. A. (2024) *Belaya gvardiya [White Guard]*. [Online]. Available at: <https://readli.net/chitat-online/?b=8786&pg=1> (accessed 20.12.2024). (In Russian)
- Rubina, D. I. (2022) *Russkaya kanarejka. Bludnyj syn [Russian Canary. Prodigal Son]*. Moscow: Eksmo Publ., 480 p. (In Russian)
- Yahina, G. Sh. (2019) *Zulejkha otkryvaet glaza [Zuleikha opens her eyes]*. Moscow: AST Publ., 510 p. (In Russian)

REFERENCES

- Eliseeva, M. B., Shul'man, B. M., Kovalevskaya, E. G. (2024) *Spravochnik po orfografii i punktuatsii [Spelling and punctuation reference]*. 5th ed. Moscow: Yurajt Publ., 325 p. (In Russian)
- Zachevskij, E. A., Kovalevskaya, E. G. (1983) *Obshchee i natsional'noe v leksike yazykov narodov SSSR [General and national in the vocabulary of the languages of the peoples of the USSR]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 111 p. (In Russian)
- Kovalevskaya, E. G. (1976) *Analiz tekstov khudozhestvennykh proizvedenij [Analysis of texts of works of art]*. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 53 p. (In Russian)
- Kovalevskaya, E. G. (1968) *Istoriya slov [History of words]*. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie Publ., 144 p. (In Russian)
- Kovalevskaya, E. G. (1978) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [History of the Russian literary language]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 384 p. (In Russian)
- Kovalevskaya, E. G. (1992) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [History of the Russian literary language]*. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie Publ., 303 p. (In Russian)
- Kovalevskaya, E. G. (2012) *Izbrannoe. 1963–1999 [Selected. 1963–1999]*. Saint Petersburg; Stavropol: Stavropol State University Publ., 687 p. (In Russian)
- Tseitlin, S. N. (2024) *Ontolingvisticheskie etyudy [Ontological sketches]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 272 p. (In Russian)
- Shtajin, K. E. (2012) О Евгении Григорьевне Ковалевской и ее концепции истории русского литературного языка [On Eugenia Grigorievna Kovalevskaya and her conception of the history of the Russian literary language]. In: E. G. Kovalevskaya. *Izbrannoe. 1963–1999 [Selected. 1963–1999]*. Saint Petersburg; Stavropol: Stavropol State University Publ., pp. 669–685. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СЕРГЕЕВА Елена Владимировна — *Elena V. Sergeeva*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [7988-3719](#), Scopus AuthorID: [57574596000](#), ORCID: [0000-0001-8866-4829](#), e-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка.

ЕЛИСЕЕВА Марина Борисовна — *Marina B. Eliseeva*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [9596-1616](#), Scopus AuthorID: [57510937000](#), ORCID: [0000-0003-0564-668X](#), e-mail: melyseeva@yandex.ru

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка.

Поступила в редакцию: 23 декабря 2024.

Прошла рецензирование: 13 января 2025.

Принята к печати: 11 марта 2025.